

Сергей Герасимов

Нить жизни

Сергей Герасимов

Нить жизни

«Автор»

Герасимов С. В.

Нить жизни / С. В. Герасимов — «Автор»,

© Герасимов С. В.

© Автор

Содержание

Нить жизни	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Сергей Герасимов

Нить жизни

Эту историю мне рассказала древняя женщина по имени Ольга.

По долгу службы мне пришлось тогда провести несколько зимних месяцев в одной из северных деревень. На дом Ольги мне указали сразу же и предупредили, что там живет женщина, которой больше ста лет. Я пожелал узнать насколько больше и, получив очень разные ответы (от ста до двухсот, что было черезчур фантастическим вымыслом), впервые задумался о том, что же такое сто лет человеческой жизни, если даже цепкая и долгая память общины не может вместить их.

Ольга не понравилась мне вначале – неразговорчивая, похожая лицом на вымороженного морского окуня – но уже в первый вечер... Так начинаешь читать заведомо *не свою* книгу в тряском вагоне поезда, чтобы подтолкнуть остановившееся время, и вдруг как брызги солнца из разрыва тучи – и время уже перемахнуло в нефизическое измерение. В первый вечер Ольга причесывалась, глядя в иссиня-синюю синь окна, чуть тронутую узором, ее волосы были не желто-серебрянного, а платинового оттенка, и она сказала спокойно:

– В такую ночь все же хочется жить.

И я вздрогнул от неожиданности этого «все же».

Обычно она говорила редко и понемногу, всегда одну-две фразы или чуть больше в ответ на мой вопрос, но, прожив месяцы в ее доме, я услышал историю несколько раз (всегда в разных фрагментах – как глиняные таблички занесенных песками глиняных библиотек), собрал ее слова в мозаику и мозаика ожила.

... Ее сына звали Олег, восемьдесят лет назад Олегу было около двенадцати. Я не могу представить себе этого мальчика, слишком глубокий колодец лет. Когда ему было около двенадцати, он ушел в темное море и не вернулся. Время тогда колебалось на самой кромке зимы, а на зиму деревня обычно пустела, но он не вернулся и Ольга осталась ждать. У нее оставалась спутанная рыболовная леска (или что-то подобное, я не представляю на какую нить вязали крючки тогда) и уже в первый день Ольга пробовала распутывать узлы и петли, чтобы пригасить бессмысленность ожидания – ведь когда случается такое, сердце не верит, но знает ответ заранее. На следующее утро она уже не надеялась.

Она вышла на берег, к черным маслянистым волнам. Волны глотали легкий снег и выплевывали быстро замерзающие брызги.

Море было злым и хищным. Ей захотелось умереть.

Проще всего было войти в море, она смогла бы это сделать.

Но море ожидало ее, ожидало законную вторую жертву, чтобы прибавить ее к первой.

– Иди ко мне, – сказало море.

– Нет, – ответила Ольга, – не сейчас.

Она окаменела в этот день и очнулась только к вечеру.

Отошла от волн и медленно направилась к дому, в доме разожгла огонь и стала готовить ужин для одного, потому что сама есть не хотела. Нож соскользнул с хрустого куска мяса и щелкнул лезвием о доску. Маленький звук отразился эхом от стен, Ольга обернулась и увидела, что дом совершенно пуст. Так пуст, что даже страшно плакать: в пустом доме плач звучит страшнее.

– Иди ко мне, – снова сказало море, – тебе больше некуда идти.

Ольга прошла по пустым комнатам и легла в несуществующую постель. Неопределенно выл ветер, подражая голосу зверя, три маленьких прямоугольника проявлялись из темноты, сообщая о том, что снаружи снег, который светится даже при отсутствии света. Что-то мелкое,

цветное проплыло перед глазами, Ольга настроила резкозть и увидела цветок, вырастающий из оскала лица, причем лицо казалось довольным. Она прогнала видение, но вслед за ним незамедлили другие: вот большой город с трубами вместо домов, вот блестящая колонна изо льда, солнце светит сбоку и блик проступает сквозь зеленоватую весомость, вот башня с маленьким окошечком, а в окошечке стол, а на нем свеча, совсем настоящая. Ольга прогнала сопротивляющиеся видения и напряглась, вызывая ЕГО. Некоторое время видения медлили, обиженно перемешавшись, потом стали уползать, раздвигаться, пропуская одно, правильное, пришедшее по вызову. Он вошел, прозрачный, слабо святящийся, но все же освещавший пустую комнату. Он вошел в свою комнату, а не в ту куда звала его Ольга, его комната была точно такой же, но не пустой и повернутой под небольшим углом к оригиналу – так, что сразу ощущалось отличие. Его комната слегка светилась и освещала комнату реальную; резной деревянный диван, (темно – красный в оригинале, в том мире был будто из синего стекла, но все же сохранивший первозданную деревянность) проваливался углом и половиной спинки в пустую стену и терял при этом две ножки из четырех. Ольга позвала ЕГО, но ОН не откликнулся – озабоченно, неторопливо вошел с тем выражением глаз, от знакомости которого хотелось кричать и биться как пойманная рыба, и сел на диван. В руках Олега был нож и ворох запутанной лески. Он положил нож на стол (в том мире было солнце, потому что лезвие блеснуло, качнувшись) и принялся распутывать леску. Этот моток он нашел за несколько месяцев до своей смерти и пробовал распутать его с безнадежным и бесполезным упорством ребенка, которое перерастает в красивую мужскую настойчивость, но вот – не переросло. Этот же моток, явно ненужный, Ольга выбросила в первый день ожидания, не справившись с путанной нитью. Олег распутывал и распутывал, сосредоточенно и безрезультатно, но вдруг поднял глаза, будто услышав чей-то зов, встал и поспешно вышел, – нет, не вышел, а растворился в черноте, дрожащей зеленью, за полшага до выхода. Снова загромоздились освобожденные видения, сейчас они были другими (проплыл кусочек летнего дня), но Ольга встала, укуталась в кружевной платок, нащупав его пушистую мягкость, и вышла из дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.